

**КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДЕЛИКТОВ, В ОСНОВЕ КОТОРЫХ
ЛЕЖАТ СДЕЛКИ, СОВЕРШЕННЫЕ С ЦЕЛЬЮ,
ПРОТИВНОЙ ОСНОВАМ ПРАВОПОРЯДКА И НРАВСТВЕННОСТИ**

А. В. Нечаева

Прокуратура Воронежской области

**CRITERIA FOR DISTINGUISHING BETWEEN CRIMES
AND CIVIL LAW TORTS BASED ON TRANSACTIONS MADE
FOR A PURPOSE CONTRARY TO THE FOUNDATIONS
OF THE LAW RULE AND MORALITY**

A. V. Nechaeva

Voronezh Region Prosecutor's Office

Аннотация: статья посвящена изучению и анализу правоприменительной практики в сфере отношений, складывающихся на основе сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка и нравственности. Выявлены существенные противоречия в гражданско- и уголовно-правовом подходах, ставящие одну из сторон таких правоотношений в необоснованно более выгодное положение относительно другой. Несмотря на то что гражданское законодательство отказывает участникам таких сделок в защите их прав, привлекая обе стороны к ответственности, в сфере уголовного правоприменения сложилась устойчивая практика привлечения к уголовной ответственности лиц за вред, причиненный в результате неисполнения антисоциальной сделки. Сделан вывод о необходимости применения единообразного системного подхода (с учетом норм позитивного права) при квалификации преступлений, в основе которых лежат антисоциальные сделки, и предложено решение обозначенной проблемы.

Ключевые слова: сделка, противная основам правопорядка и нравственности, антисоциальная сделка, публичное правонарушение, мошенничество.

Abstract: the article is devoted to the study and analysis of the peculiarities of criminal and civil law regulation of relations based on transactions made with a purpose contrary to the fundamentals of legal order and morality. The author revealed significant contradictions in approaches that put one of the parties of such transactions in an unreasonably more favorable position relative to the other. So, despite the fact that civil law refuses to protect the rights of the participants of such transactions, bringing the both parties to justice, there has been a steady practice in the field of criminal law enforcement of bringing persons to criminal liability for harm caused as a result of non-fulfillment of an antisocial transaction. According to the results of the study, it was concluded that it is necessary to apply a uniform systematic approach (taking into account the norms of positive law) when qualifying crimes based on antisocial transactions, and an author's approach to solving this problem is provided.

Key words: transaction contrary to the fundamentals of legal order and morality, antisocial transaction, public offence, fraud.

Анализ судебно-следственной практики привлечения к уголовной ответственности за неисполнение договорных обязательств свидетель-

ствует о том, что до настоящего времени отсутствует единый подход в отграничении преступлений от гражданско-правовых деликтов. Одной из причин видится всё более усиливающаяся обособленность норм публичной и ци-

вильной отраслей права. На это указывает и то, что наиболее востребованным в правоприменительной среде давно стало не системное, а судебное толкование положений уголовного права, нередко сопряженное с выработкой собственных уголовно-правовых понятий для цивилистических категорий. В связи с этим П. С. Яни пишет, что подобным способом правоприменитель вынужденно выбирается из казуистического изложения уголовного запрета и выполняет задачу повышения устойчивости судебных решений¹.

В результате на первый план всё более выдвигается регулятивная функция уголовного закона, позволяющая действовать его нормам автономно, в отрыве от норм позитивного законодательства, которые они призваны охранять. На наш взгляд, следует согласиться с В. В. Хилютой, что подобная самодостаточность уголовного права допускает возможность никем не ограниченного усмотрения в процессе правоприменения, а «...автономная уголовно-правовая терминология, порождаемая судебным толкованием, не облегчает понимание правовых норм, а затрудняет процесс последующего уяснения и правоприменения»².

Не ставя под сомнение значимость разъяснений Верховного Суда РФ, полагаем, что в силу основной законодательно установленной охранительной задачи уголовного закона ключевую роль в его толковании должен играть все-таки системный подход, учитывающий содержание норм позитивного права.

Примером необоснованной абсолютизации регулятивной функции уголовного права, на наш взгляд, является противоречивый подход к квалификации деяний, в основе которых лежат сделки, совершенные с целью, противной основам правопорядка и нравственности.

Так, ст. 169 ГК РФ установлена ничтожность таких сделок, примерный перечень которых приводится в п. 85 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ»³: сделки, направленные на производство и

отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т. п.); изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг; а также сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми.

Анализ судебной практики позволяет констатировать, что наиболее часто антисоциальными признаются сделки по оказанию услуг, связанных с постановкой на фиктивный учет по месту пребывания в жилом помещении, получению взятки (коммерческого подкупа), направленные на уклонение от уплаты налогов, легализацию имущества.

Неоднократно разъясняя природу этого явления, Конституционный Суд РФ указывал, что так называемые антисоциальные сделки законом особо выделяются как опасная для общества группа недействительных сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности⁴, а ст. 169 ГК РФ направлена на поддержание основ правопорядка и нравственности и недопущение их совершения⁵.

Для такого рода действий законом предусмотрены специальные последствия недействительности – в случаях, предусмотренных законом, суд вправе взыскать в доход государства всё полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно.

По мнению большинства специалистов, взыскание в доход государства не что иное, как характерная для публичного права конфискация имущества, которая не имеет цели защитить интересы получателя по сделке, а «...выполня-

Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=181602&dst=100213&field=134&rnd=WdyYg#xJpykwU4oRaADUi71> (дата обращения: 14.09.2025).

⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 8 июня 2004 г. № 226-О. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49667/ (дата обращения: 14.09.2025).

⁵ См.: Определения Конституционного Суда РФ от 23 октября 2014 г. № 2460; от 24 ноября 2016 г. № 2444-О; от 20 декабря 2018 г. № 3301-О. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171640/ (дата обращения: 14.09.2025).

¹ См.: Яни П. С. Новые разъяснения Пленума о квалификации взяточничества // Законность. 2021. № 5. С. 41–45.

² Хилюта В. В. Пределы автономности уголовного права // Lex Russica. 2019. № 4. С. 117–128.

³ См.: О применении судами некоторых положений раздела I части 1 Гражданского кодекса Российской

ет исключительно функцию наказания и выступает, таким образом, мерой ответственности в виде отказа в защите права в связи со злоупотреблением им»⁶.

Несмотря на не утихающие до сих пор научные споры, цивилисты единодушны в том, что: во-первых, антисоциальная сделка сама по себе образует состав публичного правонарушения; во-вторых, государство не вступает ни с одним из ее участников в отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности; и, в-третьих, не просто отказывает в защите их прав, а привлекает к ответственности обе стороны сделки⁷, – т. е., ст. 169 ГК РФ является гражданско-правовым способом охраны государственного порядка и общественной нравственности.

Однако в противоречие с этим вступает сложившийся в уголовном судопроизводстве подход к оценке действий участников антисоциальной сделки, позволяющий привлекать к уголовной ответственности за неисполнение ее сторонами взятых на себя противоправных обязательств.

Такой подход сформировался в соответствии с позицией Верховного Суда РФ, отраженной в постановлении Пленума от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁸. В п. 24 этого постановления указано, что получение должностным лицом ценностей за совершение действий (бездействия), которые оно не может осуществить ввиду отсутствия соответствующих служебных полномочий или должностного положения, содеянное следует квалифицировать как мошенничество со служебным положением. При этом оговорено, что владелец переданных

ценностей сам несет ответственность за покушение на дачу взятки и потерпевшим по мошенничеству признаваться не может.

В дальнейшем правильность такого подхода была подтверждена и Конституционным Судом РФ, в решениях которого неоднократно разъяснялось, что действия лица, выразившиеся в инсценировке условий для незаконного приобретения им выгоды, в том числе под видом получения взятки, возможно квалифицировать как мошенничество⁹.

В связи с этим такая практика распространилась и на случаи неисполнения обязательств по иным антисоциальным сделкам, в том числе по оказанию сексуальных услуг.

Например, приговором Измайловского районного суда г. Москвы от 23 июля 2018 г. с учетом апелляционного обжалования за три преступления, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ, осуждены М.Е. и М.К., которые под предлогом оказания платных интимных услуг путем обмана похитили денежные средства у трех мужчин¹⁰.

Приговором Энгельсского районного суда Саратовской области 24 декабря 2021 г. с учетом апелляционного и кассационного обжалования С.В. осужден за то, что, получив от мужчины 10 тыс. рублей за услуги сексуального характера, их не оказал (по ч. 1 ст. 159 УК РФ) и стал вымогать денежные средства в размере 2 млн рублей, угрожая применением насилия и распространением сведений о нетрадиционной ориентации потерпевшего (по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ)¹¹.

Кроме того, приговором Ленинского районного суда г. Курска от 22 ноября 2023 г. две женщины осуждены по аналогичной статье за то, что, получив от потерпевшего 100 тыс. рублей, взятые на себя обязательства по предоставлению за эти деньги интимных услуг (дословная цитата текста судебного решения – А. Н.), исполнять их не стали, а незаметно для потерпевшего по-

⁶ Малофеев А. А., Желонкин С. С. Юридическая характеристика конфискационной санкции за совершение сделок, предусмотренных ст. 169 и ст. 179 ГК РФ // Вестник С.-Петербург. ун-та МВД России. 2010. № 4 (48). С. 91–97.

⁷ См.: Ельцов В. Н. Некоторые проблемы практики применения норм о последствиях сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности // Вестник Томского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Гражданское общество и государство. 2015. Вып. 8 (148). С. 140–144.

⁸ См.: О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 14.09.2025).

⁹ См.: Определения Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № 865-О, от 26 марта 2020 г. № 806-О и № 807-О, от 29 апреля 2025 г. № 1201-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-11042019-n-865-o/> (дата обращения: 14.09.2025).

¹⁰ См.: Определение Московского городского суда от 11 октября 2018 г. по делу № 10-17241. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 19.09.2025).

¹¹ См.: Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 декабря 2022 г. № 77-6368/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 19.09.2025).

кинули помещение караоке-клуба, таким образом, похитив денежные средства¹².

При этом правило о том, что вторая сторона сделки потерпевшими признаваться не может (как по делам о взятках), в данных случаях не применяется. Напротив, в каждом случае лица, передавшие денежные средства в счет оплаты обещанных, но не оказанных сексуальных услуг, т. е. намеревавшиеся совершить антисоциальную сделку, признаны потерпевшими с наделением их в полном объеме правами и гарантиями их реализации, в том числе на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением.

В научной литературе отсутствует единый подход к оценке такой практики. Одни специалисты рекомендуют квалифицировать предпринимательскую мошенническую деятельность в отношении предметов и вещей, ограниченных или запрещенных к обороту (оружие, наркотические средства и др.), как преступление, предусмотренное ч. 1–4 ст. 159 УК РФ¹³. Другие его критикуют ввиду отсутствия в данном случае объекта преступного посягательства, поскольку уголовный закон не может охранять отношения, противоречащие нормам позитивного права¹⁴.

На наш взгляд, вторая точка зрения в большей степени отвечает принципу системности права, при этом, со своей стороны, хотим раскрыть ряд иных существенных противоречий, возникающих при квалификации по ст. 159 УК РФ деяний, связанных с неисполнением антисоциальных сделок.

Противоправность. В науке сложились несколько различных подходов к определению содержания этого признака преступления, основанных на различном понимании функций уголовного права: только лишь как санкции за нарушение иных позитивных норм, или же как полноценного регулятора охраняемых им отно-

шений¹⁵. Не вступая в дискуссию об их отличиях, следует констатировать, что ни один из них не предполагает возможности различной оценки правомерности деяния с точки зрения норм уголовного и позитивного права.

Однако именно это происходит в случаях квалификации действий лица, не исполнившего обязательства по антисоциальной сделке, в качестве мошенничества. На наш взгляд, такой подход порождает противоречия в юридической оценке одних и тех же деяний в гражданском и уголовном судопроизводстве, которые дезориентируют общество в целом и правоприменителей в частности в понимании истинного отношения государства к такому явлению, как антисоциальная сделка. Так, любая из ее сторон, не получившая причитающегося, понимая, что в порядке гражданского судопроизводства восстановить права не сможет, более того, сама будет привлечена к ответственности, может обратиться за защитой своих имущественных прав в порядке уголовного судопроизводства.

Кроме того, возникают вопросы об обоснованности использования в таких случаях **категорий «обман» и «ущерб»**, а также о способах их доказывания.

Со сделками-взятками ситуация еще относительно понятна, в том числе благодаря указанным выше разъяснениям высшей судебной инстанции. В данном случае есть конкретное должностное лицо, которое заведомо для взяткодателя наделено неким статусом и уверяет, что в силу этого статуса имеет реальную возможность совершить те действия (бездействия), за которые желает получить плату. Наряду с этим есть формально определенные полномочия такого должностного лица, ориентируясь на которые, правоприменитель может точно определить, мог ли взяткополучатель совершить те действия (бездействие), за которые получил вознаграждение или нет. Установить размер ущерба также не составит труда, так как в абз. 4 п. 9 постановления Пленума разъяснено, что в качестве взятки может передаваться только имущество / услуги имущественного характера, которые имеют денежную оценку.

¹⁵ О противоправности как юридическом свойстве деяния в структуре состава преступления, а также подробно о различных научных подходах к пониманию признака уголовной противоправности подробнее см.: *Лудовочкина Ю. Е.* Противоправность как признак преступления : опыт анализа, проблемы, перспективы // *Всерос. криминол. журнал.* 2018. Т. 12. № 1.

¹² См.: Архив Ленинского районного суда г. Курска, уголовное дело № 1-730/2023.

¹³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. С. 304–309.

¹⁴ См., например: *Шишко И. В.* Экономические преступления : вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. 307 с.; *Елисеев С. А.* Спорные положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 12 от 09.07.2013 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // *Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Право.* 2014. № 4. С. 60–65.

Между тем с другими антисоциальными сделками всё значительно сложнее. Ни для кого не секрет, что современный криминальный рынок настолько развит, что при желании на нем можно приобрести буквально любые предметы (услуги), изъятые из незаконного оборота. Поэтому утверждать, что предполагаемый мошенник в принципе не мог выполнить взятые на себя обязательства, уже нельзя.

В связи с этим закономерно возникает вопрос о том, как в таких случаях определить, а главное – какими доказательствами установить и проверить момент формирования умысла на хищение, который при мошенничестве должен возникнуть еще до изъятия имущества? Не было ли неисполнение обязательств по антисоциальной сделке следствием каких-либо причин, не зависящих от виновного?

Во всех указанных выше примерах отсутствие намерений на исполнение взятых на себя обязательств по оказанию услуг интимного характера устанавливалось только показаниями обвиняемых (подсудимых).

Для упрощения ситуации можно исходить из незаконности предмета сделки, о которой виновному было достоверно известно, вследствие чего он явно не собирался ее исполнять. Но в таком случае и вторая сторона сделки по аналогичной причине должна была понимать, что может не получить причитающегося по ней. Тогда в чем заключался обман, если обе стороны сделки не сомневались в отношении ее истинной незаконной природы и отсутствии права требовать ее исполнения?

Так, гражданские суды, рассматривая иски о возмещении ущерба, причиненного такими преступлениями, отказывают в их удовлетворении, мотивируя тем, что презюмируемая осведомленность лица, дающего взятку, о невозможности ее возврата свидетельствует о принятии риска имущественных потерь вследствие собственного неправомерного поведения и наступления вреда, обусловленного умыслом потерпевшего¹⁶.

¹⁶ См., например: Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 11 ноября 2024 г. по делу № 33-16468/2024, оставленное без изменения определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12 марта 2025 г. по делу № 88-4890/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 19.09.2025).

Для уголовного права классическим является понятие обмана, сформулированное Верховным Судом РФ, как сознательное сообщение заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение¹⁷.

Исходя из этого определения П. С. Яни правильно, на наш взгляд, обращает внимание на то, что главной целью и фактически наступившим результатом мошеннического обмана является введение в заблуждение¹⁸. То есть, если эта цель не была достигнута (заблуждение не наступило), то следует констатировать, что обман не состоялся.

Однако в вопросах квалификации имущественных преступлений в уголовном судопроизводстве поведению потерпевших (целям и мотивам, которыми они руководствуются, вступая в финансовые взаимоотношения с виновными) внимание практически не уделяется, при квалификации содеянного эти обстоятельства не учитываются. Как правило, достаточным является установление наличия умышленных действий, направленных на обман или злоупотребление доверием потерпевшего, тогда как достиг ли виновный этими действиями цели, т. е. наступило ли заблуждение потерпевшего, – оценивается только исходя из состоявшегося факта передачи имущества. В таких случаях совершенно не принимается в расчет, действовал ли сам потерпевший во взаимоотношениях с виновным добросовестно, с обычной осмотрительностью и внимательностью, как это предписано всем участникам нормального гражданского оборота (п. 5 ст. 10, ст. 178 ГК РФ).

Только совсем недавно в правоприменительной практике наметился некоторый положительный, на наш взгляд, сдвиг, обусловленный изданием Конституционным Судом РФ постановления от 3 апреля 2023 г. № 4-П. В нем по результатам проверки ст. 159 УК РФ констатируется, что указанная норма не предполагает возложения уголовной ответственности за необоснованное обращение налогоплательщика в нало-

¹⁷ См.: О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 23.08.2025).

¹⁸ См.: Яни П. С. Конституционное понимание и его значение для квалификации «обманных» преступлений // Законность. 2025. № 7. С. 29–33.

говый орган с целью реализации права на получение имущественного налогового вычета, если он предоставил в налоговый орган предусмотренные законодательством документы, не содержащие признаков подделки или подлога, достаточные при обычной внимательности и осмотрительности сотрудников налогового органа для отказа в предоставлении соответствующего налогового органа¹⁹.

Этим решением в уголовном судопроизводстве, хотя и в контексте налоговых злоупотреблений, теперь фактически «легализованы» цивилистические понятия «обычная внимательность» и «осмотрительность».

Полагаем, что в силу продемонстрированного в указанном решении системного применения норм позитивного права и главы 21 УК РФ при квалификации противоправных деяний, объективную сторону которых составляют различные сделки, необходимо принимать во внимание, действовал ли потерпевший сам добросовестно и с обычной осмотрительностью, и исходя из этого оценивать, действительно ли он был введен в заблуждение действиями виновного.

В случае же антисоциальной сделки противозаконной по своему содержанию при обычной внимательности всем сторонам очевидна ее противоправность, в связи с чем ими безусловно осознается возможность отказа от исполнения достигнутых договоренностей, т. е. стороны не находятся в заблуждении, однако на свой риск продолжают действовать недобросовестно.

Другой проблемой при квалификации как мошенничества неисполнения обязательств по антисоциальной сделке является установление характера и размера причиненного вреда.

В данном случае установить достоверно обстоятельства, которые, исходя из сути мошенничества, входят в предмет доказывания по делам о них, равно как и стоимость незаконных предметов (услуг), порядок формирования цены, практически невозможно. Именно сомнения судов в том, что стоимость противозаконных услуг в принципе можно объективно подтвердить, т. е. подкрепить достоверными доказательствами, сыграли значительную роль в их исключении из числа возможных предметов взятки²⁰.

¹⁹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июля 2020 г. № 38-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358137/ (дата обращения 23.08.2025).

²⁰ См.: Яни П. С. Новое постановление Пленума

Так почему же в случае со взяткой высшие судебные инстанции категорически отвергают саму возможность признания незаконных услуг в качестве их предмета, а в случае мошенничества (преступления исключительно имущественного и корыстного) допускают исследование таких договоренностей?

Предвидим, что ответ на этот вопрос будет заключаться в том, что формально предметом мошенничества в таких случаях являются, как правило, деньги. Однако еще раз подчеркнем, что состав мошенничества предусматривает его совершение, в том числе в формах ненадлежащего (неполного) исполнения обязательств, подмены более ценной вещи на менее ценную и пр. Кроме того, следует учитывать, что если мы допускаем возможность привлечения к уголовной ответственности за мошенничество лица, которое, получив денежные средства, не передало товар (услугу), то в силу принципа справедливости надлежит аналогичным образом защищать и вторую сторону сделки, которая антисоциальную услугу оказала (незаконный товар передала), но денежных средств не получила.

При таких обстоятельствах следственная ситуация может получить абсурдное развитие, вызванное необходимостью определения стоимости переданных товаров (оказанных услуг) и проверкой соответствия их качества размеру полученного за них вознаграждения.

Вдаваясь же в проверку и оценку вопросов исполнения антисоциальных сделок по правилам нормального гражданского оборота, так или иначе правоприменитель фактически легализует их. Более того, полагаем, что в совокупности с назначением лицу уголовного наказания за неисполнение взятых на себя незаконных обязательств (как это и констатируется в подобных приговорах) такая практика может стать побудительным мотивом к исполнению обязательств, что в корне противоречит отношению государства к подобным явлениям, сформулированному в нормах позитивного права. При этом исполнение некоторых таких обязательств будет представлять куда большую общественную опасность, чем неисполнение (например, в случаях купли-продажи наркотических средств, оружия), в связи с чем добровольный отказ от их исполнения поощряется уголовным законодательством.

Верховного Суда о взяточничестве (статья вторая) // Законность. 2013. № 10. С. 22–27.

Таким образом, охранительная и регулирующая функции уголовного законодательства в данном случае вступают в прямое противоречие с существенным перевесом в пользу второй.

В результате «пострадавшая» от неисполнения антисоциальной сделки сторона находится в необоснованно более выгодном положении, поскольку получает в рамках уголовного судопроизводства защиту своих имущественных прав (при том, что гражданское законодательство отказывает ей в этом), тогда как вина «должника» фактически презюмируется незаконным характером сделки.

При таких обстоятельствах наиболее взвешенным и согласующимся с цивилистической доктриной и судебной практикой представляется следующий единообразный подход к квалификации действий, связанных с неисполнением обязательств по антисоциальной сделке. При условии, если обе стороны действуют умышленно с противоправной целью, осознавая, что заключаемая ими сделка противоречит основам правопорядка, морали и нравственности:

– в тех случаях, когда за незаконный оборот товаров (услуг), по поводу которых совершается антисоциальная сделка, предусмотрена уголовная ответственность, обе стороны должны нести ее по соответствующей статье УК РФ, только покупатель – за покушение на совершение преступления, а лицо, обещавшее предоставить предметы (оказать услуги), исключенные из легального гражданского оборота, – за организацию или подстрекательство к совершению того же преступления, в том числе путем создания видимости наличия возможности совершить данное преступление;

– если же за оборот товаров (услуг) уголовная ответственность не предусмотрена, то односторонний отказ от исполнения антисоциальной сделки не может быть расценен как основание для уголовного преследования, а регулирование таких отношений должно оставаться в сфере той отрасли права, к которой они относятся.

В тех случаях, когда форма и предмет сделки очевидно не противоречат законодательству, а с целью, противной основам правопорядка и нравственности, действует только одна из ее сторон, противоправные действия второй стороны должны квалифицироваться исходя из направленности ее умысла и фактически совершенных действий.

Полагаем, что такой подход позволит не только сформировать единую правовую политику в сфере противодействия рассматриваемым формам негативного поведения, но и выработать принципиально новый подход к уголовно-правовой оценке всех криминальных сделок, учитывающий волевою направленность и особенности обеих ее сторон, а не только той, которая извлекла в результате совершения сделки имущественную выгоду.

Библиографический список

Елисеев С. А. Спорные положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 12 от 09.07.2013 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Право. 2014. № 4. С. 60–65.

Ельцов В. Н. Некоторые проблемы практики применения норм о последствиях сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности // Вестник Томского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Гражданское общество и государство. 2015. Вып. 8 (148). С. 140–144.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. 846 с.

Малофеев А. А., Желонкин С. С. Юридическая характеристика конфискационной санкции за совершение сделок, предусмотренных ст. 169 и ст. 179 ГК РФ // Вестник С.-Петербур. ун-та МВД России. 2010. № 4 (48). С. 91–97.

Лудовочкина Ю. Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы // Всерос. криминол. журнал. 2018. Т. 12. № 1.

Хилюта В. В. Пределы автономности уголовного права // Lex Russica. 2019. № 4. С. 117–128.

Шишко И. В. Экономические преступления: вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. 307 с.

Яни П. С. Конституционное понимание и его значение для квалификации «обманных» преступлений // Законность. 2025. № 7. С. 29–33.

Яни П. С. Новое постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве (статья вторая) // Законность. 2013. № 10. С. 22–27.

Яни П. С. Новые разъяснения Пленума о квалификации взяточничества // Законность. 2021. № 5. С. 41–45.

References

Eliseev S. A. Controversial provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the

А. В. Нечаева

Критерии разграничения преступлений и гражданско-правовых деликтов, в основе которых лежат сделки...

Russian Federation No. 12 of 09.07.2013 «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes» // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2014. No. 4. P. 60–65.

Yeltsov V. N. Some problems of the practice of applying the rules on the consequences of a transaction committed with the purpose, knowingly contrary to the foundations of law and order or morality // Bulletin Tomsk State University. Humanities. Civil society and state. Issue 8 (148). 2015. P. 140–144.

Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / ed. by G. A. Esakov. 9th ed. Revised and add. Moscow : Prospect, 2021. 846 p.

Malofeev A. A., Zhelonkin S. S. Legal characteristics of confiscation sanction for transactions under Art. 169 and Art. 179 of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of St. Petersburg University of

the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 4 (48). P. 91–97.

Pudovochkin Yu. E. Illegality as a sign of a crime : analysis experience, problems, prospects // All-Russian Criminological Journal. 2018. Vol. 12. No. 1.

Hilyuta V. V. Limits of autonomy of criminal law // Lex Russica. 2019. No. 4. P. 117–128.

Shishko I. V. Economic crimes: issues of legal assessment and responsibility. St. Petersburg, 2004. 307 p.

Yani P. S. Constitutional understanding and its significance for the qualification of «deceptive» crimes // Legality. 2025. No. 7. P. 29–33.

Yani P. S. New ruling of the Plenum of the Supreme Court on bribery (Article Two) // Legality. 2013. No. 10. P. 22–27.

Yani P. S. New explanations of the Plenum on the qualification of bribery // Legality. 2021. No. 5. P. 41–45.

Прокуратура Воронежской области

Нечаева А. В., старший прокурор управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью

E-mail: nechaeva70@rambler.ru

Voronezh Region Prosecutor's Office

Nechaeva A. V., Senior Prosecutor of the Department for Criminal Procedural Supervision and Investigative Activities

E-mail: nechaeva70@rambler.ru

Поступила в редакцию: 18.12.2026

Received: 18.12.2026

Для цитирования:

Нечаева А. В. Критерии разграничения преступлений и гражданско-правовых деликтов, в основе которых лежат сделки, совершенные с целью, противной основам правопорядка и нравственности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 1 (64). С. 311–318. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/311-318>

For citation:

Nechaeva A. V. Criteria for distinguishing between crimes and civil law torts based on transactions made for a purpose contrary to the foundations of the law rule and morality // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 1 (64). P. 311–318. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/311-318>